

Е. В. Круглов

Волгоград

Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI—VIII вв. в восточноевропейских степях

Византийские монеты VI—VIII вв. — важный археологический и исторический источник. Особое значение имеют находки монет из восточноевропейских степей. Как известно, население Византии не имело права вывозить золото за пределы государства. Следовательно, золотые монеты могли появиться в степях Восточной Европы только в результате официальных межгосударственных политических контактов. Одновременно с ними известное распространение получают также варварские подражания византийским монетам. Большинство подобных находок происходят из погребений кочевников, являвшихся при жизни непосредственными участниками таких контактов [Артамонов 1970, 15; Плетнева 1991, 100—101]. Все они имеют разную степень документации, некоторые обнаружены еще во 2-й половине XIX — 1-й половине XX вв. Во 2-й половине XX в. в восточноевропейских степях было исследовано около 300 подкурганых захоронений VI—VIII вв. Среди них выделяются погребения соколовского типа, связываемые с хазарами, обнаружение которых признано открытием, сравнимым с исследованием Саркела [Плетнева 1990, 82]. В 25 погребениях этого типа обнаружено уже около 45 золотых и серебряных византийских и арабских монет. Наиболее полный свод кладов и отдельных находок составлен В.В. Кропоткиным [Кропоткин 1962]. Новые материалы учтены А.И. Семеновым [Семенов 1988].

Процесс выпадения в погребальные сооружения поступавших к кочевникам монет носил случайный характер и отражал особенности их вторичного обращения, не подчиненные устойчивым закономерностям. Многие византийские монеты и их подражания VI—VIII вв. имели припаянные петли для подвешивания, гнезда для вставок, отверстия для пришивания. Следовательно, они изменяли свою первоначальную функцию и превращались в украшения. Говорить о каком-либо торгово-денежном обращении по этим находкам проблематично. Судя по сохранности поверхности монет, можно предположить, что выведенные из числа знаков оплаты, они использовались в исключительно редких случаях и являлись особо престижными украшениями, своеобразными знаками отличия у кочевых родовых аристократов [Плетнева 1991, 104]. В связи с этим встает вопрос определения роли этих находок как индикатора особо высокого этносоциального положения погребенных.

Другой важный вопрос — определение степени пригодности монет для датировки тех археологических памятников, в которых они обнаружены. Чтобы более достоверно датировать последние, необходимо к дате выпуска монет прибавлять хронологические поправки, величина которых зависит от целого ряда

субъективных обстоятельств и включает в себя три составляющие — период обращения в стране чекана, время перемещения в страну использования и время обращения в стране использования. Если поправка значительно превышает время од зрелой сознательной жизни человека, равный в эпоху средневековья 20—40 годам, монеты следует считать запаздывающими, если соответствует — датируемыми. Хорошо сохранившиеся экземпляры показывают, что они бережно хранились либо в византийских кладовых, либо в сокровищницах варваров. У последних условия кочевого образа жизни не способствовали формированию накопленных условия кочевого образа жизни не способствовали формированию накопленных. Использование кочевниками монет представляется величиной, зависившей как от наличия их самих, так и от физиологической продолжительности остаточной жизни того или иного индивидуума, их приобретшего. Поэтому монеты можно рассматривать как обычные личные вещи, что и создаст условия для узкого датирования археологических памятников. Но в отличие от авар, постоянно получавших дары от Византии, восточноевропейское население имело с империей лишь эпизодические контакты. Следовательно, возможно одновременное поступление и использование монет разновременной чеканки. Избежать хронологических ошибок можно, определяя датирующие и запаздывающие экземпляры. Для этого например, можно учитывать случаи одновременного обнаружения сразу нескольких монет, комбинации которых отражают реальные особенности денежного обращения в то или иное время [Балинт 1984, 19]. Наиболее продуктивным представляется также метод А. К. Амброза, основанный на построении шкал относительной хронологии. После выявления синхронных археологических материалов в полученную сетку вводятся показания наиболее младших монет. С учетом поправок они становятся вероятностным индикатором определения времени выпадения в землю памятников археологии конкретных хронологических горизонтов

И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак и Я. А. Шер предложили способ определения величин поправок, исходя из распределения монет в кладах [Каменецкий, Маршак, Шер 1975, 93—94]. Применяв этот метод для датировки погребений аланского могильника Мокрая Балка, Г. Е. Афанасьев предложил фиксированные даты поправок. По его расчетам, все сасанидские монеты VI в. — не датирующие, так как запаздывали в погребениях приблизительно на 100 лет [Афанасьев 1979, 47]. К датам выпуска монет византийских императоров Фоки, Ираклия и Константа II исследователь предложил добавлять 28, 26 и 27 лет соответственно. Единственным замечанием к такому способу датирования погребений можно считать лишь пожелание А. К. Амброза о необходимости определения датирующих и запаздывающих находок. Разработка относительной хронологии позволяет не только отбрасывать наиболее анахронические монеты, но и вести поиск точек отсчета надежно связанных с историческими событиями [Амброз 1971 а, 97; 1989, 15].

Топография выпавших на территории степей Восточной Европы византийских монет и их подражаний выявила существование трех территориально-хронологических групп (ТХГ). Почти полная невстречаемость монет Юстина I 518—527 гг. и Юстиниана I 527—565 гг. с монетами Маврикия Тиберия 582—602 гг. Фоки 602—610 гг., Ираклия 610—641 гг. и Константа II 642—668 гг., при отсутствии в степи монет Юстина II 565—578 гг. и Тиберия II 578—582 гг. позволяет рассматривать эти выпуски отдельно друг от друга. Выявленные ТХГ монет вполне совпадают с хронологическими горизонтами археологических памятников и отражают особенности их собственного обращения.

ТХГ-1 составляют византийские золотые солиды и медные фоллисы Юстина I и Юстиниана I: Астрахань, Белояровка, Водянское, Волгоград, Вольск, Елизаветинская, Келегеи, Кичмас, Лимаревка, Луганск, Орск, Усть-Караман, Чернышковинская [Кропоткин 1962], выпадение которых маркирует территорию 1-го Тюркского и Западнотюркского каганатов и отражает наиболее ранние византийско-тюркские контакты 558—576 гг. В 558 и 563 гг. в Константинополе побывали тюркские посольства. Между 567 и 571 гг. тюрки захватили Северный Кавказ и территориально сомкнулись с владениями Византии. В 568—575 гг. между ними происходит новый взаимообмен посольствами [Артамонов 1962, 136-137; Гумилев 1993, 38, 46—47]. Отсутствие монет Юстина II объясняется отказом этого императора от решения проблем империи с помощью золота [Дашков 1997, 80]. Возможно, именно это и спровоцировало тюрков на разрыв отношений с Византией и захват в 576 г. Боспора [Айбабин 1999, 134—141]. Все монеты ТХГ-1 — не датированные. Их обнаружение в Уч-Тепе и Келегеях, памятниках последней четверти VII в., указывает на очень длительный период их использования. Большинство находок не имеют сведений о погребальном обряде и материальной культуре, что свидетельствует о крайне низком социально-экономическом уровне состояния населения этого времени, находящегося, видимо, на 1-й стадии кочевания.

ТХГ-2 составляют византийские монеты конца VI — 1-й половины VII вв. императоров Маврикия, Фоки, Ираклия и первых лет правления Константа II. Обнаружены они в памятниках перещепинского круга и в некоторых наиболее ранних захоронениях соколовского типа: Дорофеевский, Иосифовка, Келегеи, Майстров, Макуховка, Новые Сенжары, Перещепино, Печеная, Староджерелиевская, Шиловка, Чир-Юрт, курганы 14, 17, 16, 20, 61 [Кропоткин 1962; Семенов 1988].

В 588 г. тюрки возвращают Византии Боспор, а в 589—591 гг. они уже принимают участие в войне с персами. В 598 г. в Константинополе вновь побывало тюркское посольство. До начала правления Ираклия Византия на установление более тесных контактов с кочевниками не шла, что и объясняет малочисленность находок монет Маврикия и Фоки в степи [Артамонов 1962, 140, 142; Гумилев 1993, 132]. При Ираклии между Византией и тюрками устанавливаются тесные союзнические отношения. В 619 г. некий гуннский предводитель побывал в Константинополе, а сопровождающая его свита приняла христианство. Поскольку в это время самостоятельных вождей ни у болгар, ни у хазар не было, считается, что он был наместником Западнотюркского каганата [Гумилев 1993, 202, 439]. В 627—629 гг. тюрко-хазары вместе с Византией принимают участие в новой войне с персами. Последние были разгромлены, а их столица разграблена. Война стала условием появления в Восточной Европе богатой сасанидской и церковной византийской посуды [Артамонов 1962, 142—154; 1990, 276; Гумилев 1993, 196; Цукерман 2001, 324]. В «Бревиарии» Никифора отмечено, что Ираклий во время пира подарил всю свою столовую посуду, императорские одежды и украшения тюркскому вождю и его архонтам [Чичуров 1980, 159—160]. Византийскую посуду и полновесные 24-каратные золотые солиды вместе с уникальными по своей социально-политической значимости медальонами в 2,5 солида 629—632 гг. из Перещепино следует считать платой Византии тюрко-хазарам за участие в этой войне. Из восьми полновесных монет из Перещепино четыре датируются 629—632 гг. Наиболее примечательны медальоны, выпускавшиеся в единичных экземплярах как символ победоносности империи по случаю особо важных и памятных событий и предназначавшиеся для личных раздач императоров или для от-

ылки иностранным государям. На них изображались правящие особы, делавшие таким образом подарки лично от себя особо избранным или равным себе по социальному статусу лицам [Соколова 1993, 146—147].

Возвышение Великой Болгарии относится к 632 г. и связывается с кратковременным ослаблением тюрков. Хотя Кубрат также имел тесные личные связи с византийским двором, болгары не принимали участия в войнах с Персией. Во время войны 627—629 гг. они были противниками тюрко-хазар, посольство которых к Ираклию в 626 г. было вынуждено отправиться сложным обходным путем через Дербент и Закавказье, а не через удобные, но блокированные болгарами авани Крыма [Артамонов 1962, 145, прим. 11; Цукерман 2001, 322]. Никто из их ряды не мог бы получить подарки столь высокого социального статуса, как личный дар императора и быть одновременно с этим обладателем дорогой сасанидской и византийской светской и церковной посуды. Ни до, ни после установления хазарского господства болгары не имели реальной возможности аккумуляции в войсках среде подобных предметов роскоши. Кубрат, умерший, по некоторым версиям, уже в 642 г. [Артамонов 1962, 163], не успел бы получить в дар и набор из 60 легковесных 20-каратных солидов Ираклия 637—638 гг. и Константа II 642—646 гг. Анализ монограмм перещепинских перстней показывает многовариантность возможных принципов их прочтения и дешифровки [Комар 2000], что позволяет кельтически относиться к реконструкции В. Зайбта как единственному доказательству возможной великоболгарской атрибуции данного памятника. В связи с этим абсолютно неприемлемыми представляются любые компромиссные варианты его этнокультурной интерпретации [Львова 1996, 30; Айбабин 1999, 182]. Перещепинское сокровище с самого начала своего формирования могло быть связано исключительно только с ранним периодом становления тюрко-хазарского государства и принадлежать представителю рода Ашина, ставшему в середине VII в. хазарским каганом [Артамонов 1970, 16—20; 1990, 276]. В начале 40-х гг. VII в., после крайне тяжелых и неудачных столкновений с арабами, Византии вновь потребовался союзник, которым и стал Хазарский каганат. Источники сообщают об арабо-хазарских столкновениях при халифе Османе в 644—656 гг. в районе г. Беленджер [Артамонов 1962, 177—181]. Участие тюрко-хазар в этих войнах объясняет отсылку Византией кочевникам легковесных 20-каратных солидов 637—638 гг. и 642—646 гг. Такие монеты не имели хождения в самой империи, а специально изготовлялись для внешнеполитического дара [Соколова 1993, 50—152; Комар 1999, 114].

Время выпадения в землю археологических памятников с монетами ТХГ-2 должно определяться сугубо индивидуально для каждого отдельного комплекса. Несмотря на наличие в Чир-Юрте монет Маврикия и Ираклия, М.Г.Магомедов датирует исследованные им погребения рубежом VII—VIII вв. [Магомедов 1983, 5, 86, 88]. Затертый, обрезанный и имеющий отверстие солид 610—626 гг. из Циловки [Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 218—225] также не датирующий. Весь облик могильного инвентаря позволяет относить памятник ко времени не ранее рубежа VII—VIII вв. Дорофеевское погребение датируют не слегка потерянные монеты Фоки и Ираклия 610—626 гг., а гораздо более поздние вещи рубежа VII—VIII вв. — бубенчики, пряжка, височные серьги и фрагменты железных стрелы [Круглов 1992 а, 152—156; Комар 1999, 118].

Все исследователи отмечают большой разрыв во времени чеканки старшей и младшей монет, обнаруженных в памятниках перещепинского и раннесоколовского

кого круга. Вместе с солидами Ираклия 638—641 гг. и Константа II 642—646 гг. в этих погребениях встречались и монеты Юстиниана I, Маврикия и Фоки [Семенов 1991, 124]. Все они в момент выпадения в землю находились в одновременном использовании. Примечательно, что никто не отмечает особых различий в сохранности между ранними и поздними монетами. Наоборот, в Келегеях лучшая сохранность констатируется именно для старших монет — Юстиниана I и Ираклия 610—613 гг., являвшихся, видимо, оболами мертвых. Й. Вернер, а вслед за ним и некоторые другие исследователи определили время выпадения Перещепино около 650 г. [Вернер 1988; Семенов 1991, 126—127; Балинт 1996, 61; Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 109]. Основанная на предположении существования всего 4-летнего срока запаздывания монет, эта дата не реальна и методически ничем не оправдана. Фактически она была определена по времени выпуска в обращение монет комплекса, исходя из мистической предпосылки его Великоболгарской атрибуции. Время между выпуском, превращением в сокровище и последующим выпадением в землю этих монет в действительности было гораздо более значительно. Все исследователи единодушно отмечают длительный и сложный процесс комплектования данного комплекса. Монеты из Перещепино входили в состав ожерелья (26 экз.), украшений одежды (34 экз.) и поясной набор (4 экз.). Наиболее ранним включением в собрание были 24-каратные солиды Маврикия (1 экз.), Фоки (1 экз.) и Ираклия 629—632 гг. (2 экз.), использовавшиеся в качестве поясных блях и связанные временем поступления с упоминавшимися медальонами [Львова 1994, 263]. Солиды из ожерелья и одежды представляют собой второе единовременное пополнение данного собрания, состоящее из 20-каратных солидов Ираклия 637—638 гг. (38 экз.) и Константа II 642—646 гг. (19 экз.). В его составе были только три более ранние монеты — два полновесных солида Ираклия 629—632 гг. и всего один — Фоки. Все они, за исключением медальонов, связаны друг с другом техникой использования — пробитыми отверстиями, наличием гнезд для вставок [Соколова 1993, 150—152]. Неучтенными остаются еще четыре монеты — три легких солида Ираклия 637—638 гг. и один полновесный 638—641 гг. Две монеты, легкая и полновесная, украшали ремни конской сбруи и скреплялись припаянными штырями с круглыми золотыми дисками (имитациями?). Две легковесные монеты хорошей сохранности не имели ни напаянных гнезд, ни пробитых отверстий [Кропоткин 1962, рис. 15, 19, 16, 13; Семенов 1986, 97; Соколова 1993, 146]. Скорее всего, они также являлись оболлами мертвых, как и две ранние монеты из Келегеев. Существование поздней полновесной монеты позволяет считать заключительным аккордом нумизматического пополнения комплекса именно ее, а не легковесные монеты. Последнее дает возможность более надежно обосновать предположение, что изготовление основных предметов варварской группы памятника (ожерелье и украшения одежды) предназначалось не покойнику, а живущему человеку [Львова 1993, 113; 1994, 261].

Четыре полновесных 24-каратных солида Ираклия 638—641 гг. и один Константа II 644—645 гг., снабженные петлями для подвешивания к одежде, найдены и в Келегеях [Семенов 1991, 122]. Четыре сохранных 24-каратных солида Ираклия 638—641 гг. и два легких Константа II 642—646 гг. обнаружены и в Новых Сенжарах, где, по-видимому, также являлись оболлами мертвых [Смиленко 1968, 163; Семенов 1986, 93; 1991, 124—126]. Погребение с несколькими сотнями золотых византийских монет, из которых сохранился лишь один 24-каратный солид Ираклия 638—641 гг., было обнаружено в Майстрове [Кропоткин 1962, № 159].

Это позволяет считать 24-каратные солиды Ираклия 638—641 гг. и Константа II 642—646 гг. наиболее поздним датированным нумизматическим включением в состав памятников перещепинского круга. Последнее подтверждает мнение А. И. Семенова о неоднократных эпизодах поступления в степь монет, выпущенных в период 637—646 гг. Основное их значение заключается в том, что именно они являются ключевыми в определении тюрко-хазарских памятников.

Во 2-й половине VII в. взаимоотношения между Хазарским каганатом и Византией можно охарактеризовать как политический нейтралитет. В хазаро-болгарское противостояние Византия не вмешивалась и от отсылки в степь каких-либо новых даров явно воздерживалась, что объясняет редкие находки монет Константа II 651—668 гг. Во 2-й половине VII в. на территории Хазарского каганата имело место лишь простое и бессистемное использование запасов ранее полученных монет вплоть до их полной аккумуляции. Это подтверждает существование связанных с ТХГ-2 наиболее ранних варварских подражаний из Днепропетровска, Келегеев, Чир-Юрта и, вероятно, Шиловки. Легковесные подражания из Келегеев и Чир-Юрта копируют оригиналы монет Ираклия 616—625 гг. [Семенов 1991, 122—124; Магомедов 1983, 86, 88]. Грубое подражание из Шиловки, 2 также может быть связано лишь со временем Ираклия [Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, 108—109]. В погребении близ Днепропетровска [Кропоткин 1962, № 149] в составе ожерелья обнаружены 72 серебряные позолоченные монеты, 4 из которых были определены как подражания монетам Константа II 642—646 гг. [Семенов 1988, 103, № 33]. Мастера, изготавливавшие подражания, могли копировать только самые доступные монеты, потребность в которых возникла эпизодически как осознаваемая реакция на редкость качественных подлинников. Последнее могло произойти лишь в среде этнокультурно единого населения по мере естественного сокращения количества находящихся в обращении качественных подлинников.

Итак, для памятников перещепинского круга с монетами ТХГ-2 датирующими являются исключительно только 20- и 24-каратные монеты Ираклия 638—641 гг. и Константа II 642—646 гг. Но для раннесоколовских погребений (Дорофеевский и Шиловка) они уже запаздывающие. С учетом хронологических поправок начало процесса выпадения всех этих памятников в землю может определяться не ранее 70-х гг. VII в. Именно последней четвертью VII в. определяют это время большинство исследователей [Айбабин 1999, 176, 182; Амброс 1971а, 116, 120, 122; 1971б, 116, 128, 130; 1982, 220; Артамонов 1970, 37; Афанасьев 1979, 48; Prichodnjuk, Chardaev 2001, 603—605]. Развернутая критика ранней даты Перещепино и обоснование поздней предложены А.В. Комаром. Датировка всех восточноевропейских кочевнических древностей последней четверти VII — 1-й трети VIII вв. была привязана им к материалам всего двух памятников — Перещепино и Вознесенки. эталонных для двух последовательно сменяющихся друг друга хронологических горизонтов, перещепинского (670—705 гг.) и вознесенского (705—725 гг.) [Комар 1999, 112—115, 132]. Нижняя дата первого определяется монетами самого комплекса, а верхняя — синхронизацией нижней границы Вознесенки с аварским горизонтом Игар-Озора, датированного солидом Константина IV 670—671 гг. из Тотипусты и имитациями монет Константина IV из Кишкорош Похибуй-Мачкюдюло [Комар 1999, 131].

Поздняя дата Перещепино исключает любую нехазарскую археолого-этнокультурную интерпретацию всех остальных памятников этого круга. Разгромленная хазарами болгарская орда Аспаруха в 660 г. ушла на Дунай, а орда Батбаяна

согдая с исторической сцены, находилась в полной зависимости от хазар и не имела возможности аккумуляции у себя предметов роскоши. Именно в это время власть хазар широко распространяется по всей территории степей Восточной Европы [Артамонов 1962, 174]. Установление их господства на Боспоре в период между 654—659 и 686—687 гг. зафиксировано пожаром, датированным медными монетами [Айбабин 1999, 185—187]. К 670-м гг. хазары были уже настолько хорошо известны, что внушали ужас даже жителям далекого Закавказья [Цукерман 2001, 330—332]. Начиная с 40-х гг. VII в. в степях Восточной Европы господствуют именно они, а болгары превращаются во второстепенный фактор степной толпники. Достоверные памятники болгар 2-й половины VII — 1-й половины VIII вв. можно выявить, лишь выделив памятники хазар, вычленив первые из числа вторых, а не наоборот. Наиболее богатыми и значительными, но при этом еще не обязательно самыми многочисленными, в археологии обычно считаются памятники именно господствующего населения.

Топография монет 1-й и 2-й ТХГ однозначно указывает на смещение ареала находок из Подонья — Поволжья в Поднепровье и на Кавказ. Перемещение кочевого населения, использовавшего в погребальном обряде монеты, происходило при полностью завершеном процессе выпадения монет Юстина I и Юстиниана I, после получения ими монет Фоки, Ираклия, Константа II и варварских подражаний, но еще до начала широкого выпадения последних. Весь этот процесс непосредственно совпадает с распространением памятников перещепинского круга.

Проблема этнической интерпретации рассматриваемых материалов крайне дискуссионна. Основные мнения исследователей по вопросу этнокультурной интерпретации древнейшей перещепинского круга диаметрально противоположны. Неясности в этом вопросе до сих пор связывались с не до конца разработанной хронологией ключевых памятников — Перещепино и Вознесенки, равно как и с проблемой культурного и хронологического соответствия первого комплекса с памятниками рядовых кочевников, сопровождавшихся поясными наборами, изготовленными в геральдическом стиле. Отсутствие специфически болгарского и хазарского в памятниках высшей кочевой знати степи рубежа VII—VIII вв. отметил еще М. И. Артамонов [Артамонов 1962, 174]. Вопрос этнической интерпретации последних снимается предположением, что они могли быть оставлены центральными азиатскими тюрками рода Ашина [Амброс 1982, 204—221]. Более прочно в историографии закрепилась линия связи с Хазарским каганатом и тюрко-хазарами лишь памятников вознесенского хронологического горизонта [Плетнева 1967; 1999; Айбабин 1985]. В то же время памятники рядовых воинов с геральдическими поясными наборами перещепинского горизонта чаще всего связывались с Великой Болгарией и определялись как болгарские. Как известно, негласный запрет на исследование хазарской проблемы привел к невероятному раздуванию количества и роли болгар в Хазарском каганате [Комар 2000]. Поэтому пересмотр истоящейся концепции археологической неуловимости хазар становится в настоящее время более чем закономерен. Однако лишь немногие исследователи связывали с хазарами и Хазарским каганатом не только памятники вознесенского горизонта, но и погребения рядовых воинов с геральдическими поясными наборами, так как по большому счету все эти материалы не могут быть в настоящее время четко дифференцированы друг от друга [Крутлов 1992 в, г, д; 2002]. Существенный сдвиг в этом вопросе дала работа А.В. Комара. Исходя из однокультурности памятников высшей кочевой знати степи конца VII — начала VIII вв., он

показал принципиальную невозможность принадлежности их к разным кочевным образованиям — Великой Болгарии и Хазарскому каганату. Обосновав позднюю дату Перещепино, исследователь отметил его культурное и хронологическое соответствие с памятниками рядовых кочевников сивашовского типа с геральдическими поясными наборами. Отличительные знаки воинов низшего социального ранга не использовались в одежде высшей знати и, наоборот, но совпадали друг с другом в погребениях военных предводителей средней руки. Не только Перещепино и Вознесенка, но и большинство рядовых кочевнических погребений геральдическими поясами однозначно были связаны не с Великой Болгарией, а с Хазарским каганатом. Они могут быть памятниками либо самих хазар, либо вместе с ними также и болгар, но включенных в состав хазарского кочевого объединения [Комар 1999, 111—136]. Именно эта точка зрения более реально отражает состояние исторических и археологических источников по данному вопросу.

Основная проблема заключается в том, что ко времени образования самостоятельных государственных образований и болгары, и хазары давно уже являлись коренным населением Восточной Европы. Начало их этнического формирования относится еще к гуннскому времени. При этом они впитали в себя многие образцовые элементы позднесарматского времени. В Тюркском каганате болгары и хазары сосуществовали, находясь на близком уровне экономического и культурного развития. До середины VII в. у них не было особых причин отделяться друг от друга. Именно поэтому пока не удастся убедительно для всех разделить между собой наиболее ранние памятники Хазарского каганата, скорее имеющие широкое общекочевническое признание, чем узкие этнические. Существовавшая в 30-е гг. VII в. в болотах Восточного Приазовья в течение всего 10 лет Великая Болгария может соответствовать лишь первой стадии кочевания и являться временным эфемерным союзом кочевых племен, не оставившим в ходе своего существования достоверных археологических следов [Комар 2001, 133—155; Рашев 2002, 86—87]. Именно на этой стадии находились протоболгары Аспаруха, появившиеся на рубеже 50—60-х гг. VII в. в Нижнем Подунавье. Археологические памятники кочевников восточноевропейских степей с наборными геральдическими поясами — это памятники 2-й стадии кочевания, большинство которых относится ко времени, когда Великой Болгарии уже не существовало. К 1-й половине — середине VII в. относятся только несколько погребений. В Поволжье — это Иловатка, Бережновка, Новоселки, в Северном Причерноморье — Великий Токмак и Малая Терновка. Первые показывают исходные районы миграции хазар, существование которых может быть объяснено их участием в военных акциях тюркской эпохи. Широкое распространение погребений этого типа во 2-й половине VII в. маркирует начинающие свое формирование границы Хазарского каганата. В отличие от памятников гуннского времени, являвшихся результатом смешения разнородного населения, культура кочевников Хазарского каганата перещепинско-вознесенского времени вполне устойчивая и уже сформировавшаяся. Несмотря на существование отдельных вариантов, в целом она достаточно однообразна.

В кочевнических погребениях перещепинского и вознесенского горизонтов монеты остаются достаточно редки. Очевидно, существовали погретаемые с высоким социальным статусом, для которых использование монет было недопустимым. Возможно также, что не все погребения VII — начала VIII вв. принадлежали к подствующей этнической прослойке Хазарского каганата — хазарам или тюркам. Характерно, что в более поздних погребениях новинковского типа, большая часть

которых определяется как болгарские, ни монет, ни их подражаний до сих пор не обнаружено. Однако монеты отсутствуют и во многих кочевнических памятниках высокого социального ранга. Последнее могло быть связано только с усилением редкости самих монет в отдельные годы. Именно поэтому они не обнаружены в Пришибево, Виноградном, Портовом, Сивашовке, Ясиново — основных памятниках вознесенского хронологического горизонта. Отсутствие монет в Глodosax (1,6 кг золота) и в самой Вознесенке (1,2 кг) наиболее примечательно. При несомненном интересе кочевников к их использованию, обеспеченность византийскими монетами к началу VIII в. становится минимальной и может быть охарактеризована гипертрофированным усилением состояния их редкости.

ТХГ-3 характеризуется выпадением византийских монет 2-й половины VII—III вв. Большинство их было обнаружено в подкурганых кочевнических захоронениях типа Соколовской балки, главным образом, на Нижнем Дону и в Подолье. Для указанных захоронений характерны подбойная форма могильных ям, западная ориентировка погребенных, сопровождение умерших ритуальными жертвенными животными (конем и бараном), использование глиняной посуды и агробной пищи. Большинство погребений основные, некоторые из них были окружены внутрикурганными ровиками [Круглов 1989; 1990; 1992 а; 1992 б; 2002]. Связь этих захоронений с историческими хазарами в современной историографии утвердилась достаточно прочно и уверенно. Появляются они на смену захоронениям сивашовского типа перещепинского времени [Рашев 2000] и являются их логическим и естественным эволюционным развитием. Все основные особенности погребального обряда при этом полностью сохраняются — используемые формы могильных ям, виды жертвенных животных, варианты их сопребения с человеком [Круглов 1992 в; 1992 г; 1992 д]. Более того, уверенно выделяется передовая группа, в равной степени обладающая признаками как сивашовских, так и соколовских захоронений (Виноградное, Дубовый, Сидоры, Шиловка).

Наиболее ранние монеты (подгруппа ТХГ-3А) представлены солидами выпуска Константа II 651—654 и 661—663 гг. (Подгоренский-IV, 14; Романовская, 3), Константина IV 674—681 и 681—685 гг. (Подгоренский-IV, 2), 1-го правления Юстиниана II 687—692 и 692—695 гг. (Подгоренский-IV, 2; Козинский-I, 18), Леонтия II 695—698 гг. (Романовская-1884; Саловский-IV, 2; Подгоренский-IV, 14), Тиберия III 698—705 гг. (Большая Орловка; Потайной-I, 4; Саловский-IV, 2; Вакуринский бурт), 2-го правления Юстиниана II 705—711 гг. (Вербовый Лог-IX, 3) [Семенов 1988, 103; Парусинов 1998, 19—20; Безуглов, Науменко 1999, 35, 40; Комар 2000, 133]. Все они, как правило, имеют хорошую степень сохранности, указывающую на одновременность их поступления и использования. Это подтверждается материалом комплекса Подгоренский-IV, 2, состоящим из 9 золотых монет нескольких последовательно сменяющих друг друга византийских императоров [Безуглов, Науменко 1999, 35—36]. Следовательно, датирующими среди них являются только солиды Леонтия II и Тиберия III, позволяющие связывать начало выпадения указанных археологических памятников с 30-х гг. VIII в. Монета Леонтия II из Романовской-1884 определяет верхнюю дату вознесенского хронологического горизонта. Но уже монета Тиберия III из Большой Орловки датирует собой начало появления захоронений горизонта Галиат-Геленовки (725—740 гг.) [Комар 1999, 131].

Условия для проникновения монет ТХГ-3А в степь возникли во время военнополитического конфликта между Хазарией и Византией из-за Херсона. Юстиниан II, свергнутый Леонтием II, в начале правления Тиберия III бежал в Фанаго-

ию, где вступил в брак с сестрой хазарского кагана и начал борьбу за возвращение престола. Опальный император не смог убедить кагана в своей политической жизнеспособности, и тот, прельщенный византийским золотом, согласился выдать его Тиберию III. Юстиниан успел бежать и с помощью болгар все же вернуть себе престол. В 710 г. он отправил в Крым карательную экспедицию для наказания жителей Херсона. Первоначально византийцам удалось взять город, но его жители восстали и с помощью хазар провозгласили императором Вардана Филлиппика. Юстиниан II отправил в Крым другую экспедицию, но хазары заставили юмеев снять с города осаду, признать нового императора и уплатить им денежный выкуп [Артамонов 1962, 196—201]. Одновременное появление и начало выкладки второй группы варварских подражаний, копирующих выпуски Константина IV (Астахово), Леонтия II (Романовская-1884) и Тиберия III (Дмитриевка) указывают, что общее количество появившихся в это время в Восточной Европе византийских монет на самом деле было не столь уж значительным. Характерно, что уже самый поздний солид этой серии (Вербовый Лог-IX, 3), являвшийся в погребении классическим оболком мертвых, сопровождался самой обычной имитацией — гладким золотым диском, совпадающим по размерам и весу с 24-каратными византийскими монетами.

В настоящее время определенное распространение получила идея А. И. Семенова о незначительном времени запаздывания византийских монет VII—VIII вв., обнаруживаемых в погребениях типа Соколовской балки [Семенов 1993]. Однако практически все монеты VII в., как мы видим, для этих захоронений не являются датирующими. Нет особых оснований не учитывать или уменьшать хронологические поправки также и для монет VIII в. Заключение А. И. Семенова о короткой хронологии византийских золотых солидов не означало его отказа от использования поправок. Датировав эпонимный Соколовский, 11 с монетой Льва III 725—732 гг. 2-й половины VIII в., исследователь в полной мере учитывал их существование [Семенов 1978, 181]. К сожалению, другими исследователями соколовские погребения с монетами стали датироваться непосредственно по времени их выпуска в обращение. Так, А. А. Ивановым, без каких-либо доказательств из одной статьи в другую появление захоронений соколовского типа определяется серединой VII в. — по датам выпуска в обращение монет из Дорофеевского, 13 и Полюдорненского-IV, 2 [Иванов, Копылов, Науменко 2000, 81, 88—89; Иванов 2000, 13, 5; 2001, 118, 121; 2002, 36—37]. По А. А. Иванову, памятники типа Соколовской балки предшествуют или сосуществуют с памятниками перещепинского круга. Но хронология соколовских погребений не дает каких-либо оснований рассматривать их в качестве соответствующих наиболее ранней истории Хазарского каганата. Самые ранние погребения типа Соколовской балки появляются не в эпоху Перещепино, а лишь в эпоху Вознесенки (Виноградное; Дорофеевский, 13; Шубовый, 2; Котельниково-II, 10; Первомайский-VII, 17; Романовская-1884; Шилуновка, 1, 2) и датируются не ранее рубежа VII—VIII вв. Из археологии хазар выпадает, таким образом, наиболее ранний период в 50—80 лет, как раз и соответствующий времени существования памятников сивашовского типа. Именно поэтому абсолютно все исследователи, начиная с М.И. Артамонова, в поисках недостающего раннехазарского звена с объективной неизбежностью и вынуждены постоянно обращаться к этим памятникам.

Неточность предлагаемых А. А. Ивановым дат появления памятников соколовского типа убедительно показывает анализ поясных наборов из этих погребений.

Их объединяет не столько особый стиль украшения поверхности растительно-геометрической орнаментацией в виде «растрепанных пальметт» с реалистично изогнутыми ветвями и лепестками, оканчивающимися трилистниками, сколько техника изготовления — все они являются литыми цельнометаллическими изделиями [Иванов, Копылов, Науменко 2000]. Именно эту группу украшений А. И. Айбабин называет уральской и связывает ее появление с установлением в степи хазарского господства, датируя её 1-й половиной VIII в. [Айбабин 1982, 178—179; 1993, 122, 126, 130]. С перещепинским горизонтом связывается первое появление данного стиля, который в то время был зафиксирован на обкладках седла и деревянного сосуда из самого Перещепино. Только в эпоху Вознесенки появляются первые предметы поясной гарнитуры, украшенные подобным образом (Вознесенка, Новые Сенжары, Романовская, Ясиново). Но все эти изделия были еще штампованные и представляли собой бронзовую основу, обложенную тонкой фольгой. Появление первых цельнолитых вещей отмечается лишь на стадии горизонта Галиат-Геленовки, особенность которого, по А. В. Комару — сочетание перещепинско-вознесенских и салтовских традиций материальной культуры, а широкое их распространение происходит уже на стадии горизонта Столбище-Старокорсунская [Комар 1999, 121—123, 127—128]. Подобные изделия предшествуют появлению классических салтовских памятников и отражают существование самостоятельного этапа в развитии поясной гарнитуры у населения Хазарского каганата. С эпохой Вознесенки могут быть связаны только штампованные наконечник из Подгорненского-IV, 14, покрытый по краям рубчатым орнаментом, уздечные бляхи из Дорофеевского, 13 и накладки из Первомайского-VII, 17/1. Неправильно понимаемый тезис А. И. Семенова привел к тому, что при датировании погребений соколовского типа ахронические монеты не отбрасываются, а действительно датирующие не выделяются. Наиболее ранние погребения типа Соколовской балки по монетам следует датировать рубежом VII—VIII вв. — 2-й четвертью VIII вв. Это подтверждает их сопоставление с комплексом из Столбища, который при более поздних монетах (715—720 гг.) датируется Г. Е. Афанасьевым не ранее 2-й половины VIII в. [Афанасьев 1987, 199], а А. В. Комаром — 3-й четвертью VIII в. [Комар 1999, 129].

Широкое распространение памятников соколовского типа увязывается с разгромом хазар арабами в Дагестане, переселением северокавказского населения в степь и лесостепь и началом формирования в Подонье салтово-маяцкой культуры. По А. В. Комару, это происходит на стадии I а горизонта Столбище-Старокорсунская [Комар 1999, 132]. Широкое распространение памятников соколовского типа совпадает и с установлением особо тесных отношений Хазарского каганата и Византии, вершиной которых в 732 г. стал брак Константина V Копронима, сына Льва III Исавра, с дочерью хазарского кагана. Их сын впоследствии правил империей под именем Лев IV Хазар [Артамонов 1962, 193—201, 233]. Именно этот династический союз нашел свое отражение в появлении на территории Хазарского каганата золотых монет Феодосия III 715—717 гг., Льва III 717—741 гг. и Константина V 741—751 гг. — Валовый, 31/2; Житков-II, 4; Миллерово; Нагавский-II, 3; Романовская-I, 1; Садовый; Саловский, 1; Соколовский, 11; Столбище [Семенов 1988, 103], составляющих основу ТХГ-ЗБ. Нормальные отношения Византии и Хазарского каганата продолжались до 757—760 гг. Заключив договор с арабами, также скрепившийся кратковременным династическим союзом [Артамонов 1962, 241—242], Хазария разрывает эти отношения. С возобновлением войны

— халифатом в 764 г. хазаро-византийские отношения не восстановились. Вытесненные из Восточного Закавказья хазары уже не были заинтересованы в сохранении союза с Византией. Именно этой политической ситуацией объясняется прекращение поступления византийского золота в Восточную Европу и начало интенсивного поступления вместо него арабского серебра [Комар 1999, 132].

Некоторые выявленные особенности использования византийских монет и их подражаний 2-й половины VII — начала VIII вв. оказываются характерными и для других территорий. Наиболее привлекательны для подобного сравнения материалы аланских погребений могильника Мокрая Балка [Афанасьев 1979; Афанасьев, Рунич 2001]. Все сасанидские монеты, найденные здесь в погребениях 2 и 3-го этапов, запаздывающие. Но почему почти одновременные им монеты Византии, в частности монеты Фоки, были признаны датирующими? Пытаясь найти дополнительные аргументы правильности разрабатываемого им метода датирования археологических памятников, Г. Е. Афанасьев в работе 2001 г. одновременно использовал все четыре основных способа обоснования хронологических поправок: 1) определение среднего времени запаздывания монет в кладах; 2) расчет среднего времени запаздывания всех имеющихся монет; 3) расчет запаздывания монет, близких друг другу по времени выпуска; 4) расчет средней продолжительности жизни людей в древности.

Погребения в катакомбах 3-го этапа Мокрой Балки, синхронные степным памятникам перешепинского горизонта, датированы Г. Е. Афанасьевым 2-й четвертью VII в. — рубежом VII—VIII вв. Сомнительно, чтобы памятники узкого хронологического горизонта имели бы столь широкий диапазон существования. Поскольку дата Перешепино определена началом 4-й четверти VII в., дата 3-го этапа Мокрой Балки должна быть пересмотрена. А это означает, что все монеты Мокрой Балки в реальной действительности не датирующие. Исключение может быть сделано только для драхм Хосрова II 591—628 гг. из курганов 20 и 113 и индикации солида Ираклия 613-641 гг. из кургана 117. Обнаружение А. Белинским и Г. Харке солида Ираклия 638—641 гг. в кургане 363 Клинь-Яра позволяет более надежно синхронизировать 3-й этап Мокрой Балки с памятниками перешепинского горизонта восточноевропейской степи, чем все анахронические монеты самой Мокрой Балки, вместе взятые.

4-й этап Мокрой Балки Г. Е. Афанасьев датирует рубежом VII—VIII вв. — 1-й половины VIII вв. В самой Мокрой Балке монет этого периода нет вообще. Проанализировав остальной северокавказский материал, исследователь отметил факт большего запаздывания монеты Ираклия 613—630 гг. из кургана 20 Клинь-Яра-III. Почему предполагали все четыре способа, использованные им для определения поправок [Афанасьев, Рунич 2001, 43]. Иными словами, в этом случае Г. Е. Афанасьев признал вполне конкретную монету не датирующей. Из погребений, синхронных с 4-м этапом Мокрой Балки, к золотой индикации Константина IV из Чегема и потертому солиду Ираклия 613—641 гг., сочетающегося с дирхемом 700—701 гг. из Галиата [Кропоткин 1962, № 133, 136], в настоящее время добавились золотые индикации Константа II из Лермонтовского, Джаги и серебряные индикации Тинберия III из Кугульского склепа [Афанасьев, Рунич 2001, 43]. Это убедительно показывает крайнюю редкость византийских монет середины VII — рубежа VII—VIII вв. за пределами империи. На этом фоне убедительно вырисовывается высокая социально-политическая значимость находок монет из восточноевропейских степей, отражающих политические контакты двух могущественных держав эпо-

хи раннего средневековья в Юго-Восточной Европе — Византийской империи и Хазарского каганата.

В сравнении с эпохой Перещепино, распространение византийских монет ТХГ-З в памятниках соколовского типа отражает совершенно иное время и иную территорию. На основании изменения их географии в свое время А.И. Семенов сделал вывод о разнотничности населения, оставившего данные погребальные памятники. Все материалы перещепинского круга он однозначно связал с болгарями Великой Болгарии, а погребения соколовского типа — с хазаро-тюркютами [Семенов 1986; 1987; 1988; 1991]. Как можно было противопоставлять друг другу разновременные, но в принципе однокультурные памятники — непонятно. Не исключая возможности выделения болгарских погребений в материалах рядовых захоронений перещепинского круга, сопровождающихся геральдическими наборами поясами, считаю, что памятники, сопровождающиеся монетами, болгарскими быть не могут. Все такие комплексы могли быть оставлены только хазарами либо тюрками.

Длительное время существовавшая в погребальной практике хазар традиция использования монет не исчезла у них даже после прекращения в середине 2-й половины VIII в. поступления византийских монет. Поскольку ценность и редкость их усилились, памятники соколовского типа последней трети VIII в. содержат либо сильно тертые (Барановка, 13), либо дефектные (Чистяково) экземпляры. С этим же периодом связано выпадение солидов Льва III и Константина V ТХГ-ЗВ (Планерское; Нетайловка, 164 б; Таманское), третьей группы подражаний византийским монетам (Валовый, 31/2, Дмитриевское, Дюрсо, Мощевая балка, Старый Салтов, Чуфут-Кале, Чамну-Бурун), а также начало распространения в Восточной Европе арабских дирхемов (Агачкала; Верхний Салтов; Джангар; Житков-II, 4; Карповский, 5; Кирово-IV, 2/13; Косика; Ордынский Бутор, 4; Петрунино-IV, 7) [Семенов 1988, 103]. Распространение столь разнообразных типов монет в типично салтовских памятниках и резкое уменьшение их количества в соколовских погребениях были не случайными, а отражали потерю хазарами этнополитического преобладания в степи.

Завершение обращения византийских монет на территории Хазарского каганата связано с выпадением Славянского клада, младшая монета которого относится ко времени правления Константина VI 780—792 гг. Выпадение кладов серебряных дирхемов из Правобережного Цимлянского городища, Кривянской и Завалишино связывается уже с другой исторической эпохой. Младшая монета из Правобережного датируется 799—800 или 802 гг., Кривянской — 805—806 гг., Завалишино — 809—810 гг. Их выпадение, с учетом поправок, происходит в 820—830-е гг. и связывается с появлением на территории Хазарского каганата венгров и печенегов.

Литература

- Айбабин А. И. Погребения конца VII — первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982.
- Айбабин А. И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3.
- Айбабин А. И. Могиляники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- а) Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. I // СА. 1971. № 2.

- б) Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. II // СА. 1971. № 3.
- Амброз А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982.
- Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв. М., 1989.
- Артамонов М. И. История хазар. М.; Л., 1962.
- Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // АГС. Л., 1970. Вып. 15.
- Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3.
- Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. 1979. № 158.
- Афанасьев Г. Е. Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) // СА. 1987. № 1.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1996.
- Балинт Ч. О датировке центрально- и восточноевропейских степных древностей раннего средневековья (трудности и возможности) // Interaktionen der mitteleuropäischenslawe und anderen Ethnika im 6.-10. Jahrhundert. Symposium Nove Vozokany 3—7 Oktober 1982. Nitra, 1984.
- Балинт Ч. О принадлежности находки в Малой Перещепине Куврату (история вопроса) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
- Безуглов С. И., Науменко С. А. Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология. Ростов-на-Дону, 1999. № 1.
- Вернер Й. Погребальная находка от Малая Перещепина и Кубрат-хан на болгарит // София, 1988.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993.
- Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1997.
- Иванов А. А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000.
- Иванов А. А., Копылов В. П., Науменко С. А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2000. № 1.
- Иванов А. А. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.
- Иванов А. А. К вопросу об этнокультурной характеристике захоронений в «курганах с ровиками» Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Хазары. Второй Международный коллоквиум: Тезисы. М., 2002.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1982.
- Комар А. В. Предсалтовские и ранисалтовский горизонты Восточной Европы // Antiqua. К., 1999. № 2.
- Комар А. В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) // Восточноевропейский археологический журнал. Киев, 2000. № 3 (4), май — июнь.
- Комар О. В. «Кубрат» и «Велика Булгария»: проблемы джерелознавчого аналізу // ССР дознавство. Київ, 2001. № 13—14.
- Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. 1962. № 5.
- Круглов Е. В. К вопросу об этнокультурной характеристике подкурганых погребений салтово-маяцкой культуры (по материалам восточной группы памятников) // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тезисы. Донецк, 1989.

- Круглов Е. В. О подкурганых захоронениях калмыцко-астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.
- а) Круглов Е. В. Хазарские погребения на реке Аксай // ДВЭС. Волгоград, 1992. Вып. 2.
- б) Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. 1992. № 3.
- в) Круглов Е. В. К проблеме выделения и этнокультурной атрибуции раннехазарских археологических памятников // Востоковедение в Башкортостане: история, культура. Т. 2: Тезисы. Уфа, 1992.
- г) Круглов Е. В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья: Тезисы. Пенза, 1992.
- д) Круглов Е. В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды: Тезисы. Волгоград, 1992.
- Круглов Е. В. Хазары — история только начинается // Хазары. Второй Международный colloquium: Тезисы. М., 2002.
- Львова З. А. Облицовка погребального сооружения из Перещепинского комплекса // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
- Львова З. А. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Львова З. А. Вещи из Перещепино, выполненные в византийской мастерской для кочевников // Византия и византийские традиции. СПб., 1996.
- Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Парусимов И. Н. Могильник Саловский-IV // Труды НАЭ. Новочеркасск, 1998. Вып. 3.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142.
- Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2.
- Плетнева С. А. Отношения восточно-европейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. № 3.
- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М., 1991.
- Prichadnjuk O. M., Chardaev V. M. Ein Edelmetallfund des 6—7. Jahrhunderts aus Keledej, Ukraine // Eurasia antiqua. Zeitschrift für archaologie eurasiens. Band 7. Berlin, 2001.
- Рашев Р. Прабългарите през V—VII век. В. Търново, 2000.
- Рашев Р. Множественность этнонимов и однообразии погребального обряда в степях Восточной Европы в VI—VII вв. // Хазары. Второй Международный colloquium: Тезисы. М., 2002.
- Семенов А. И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978.
- Семенов А. И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // АСГЭ. 1986. № 27.
- Семенов А. И. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Уч-Тепе // КСИА. 1987. № 192.
- Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. 1988. Вып. 29.
- Семенов А. И. Византийские монеты Келегейского комплекса // АСГЭ. 1991. Вып. 31.
- Семенов А. И. О датирующих способностях византийских солидов VII—VIII вв. // II-я Кубанская археологическая конференция: Тезисы. Краснодар, 1993.
- Смиленко А. Т. Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары // Славяне и Русь. М., 1968.
- Скопцова И. В. Монеты перещепинского клада // Византийский временник. № 54. М., 1993.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. Симферополь, 2001. № VIII.

